

УДК 811.511.131

Н. М. Люкина (*Глазов*)

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА
В БЕСЕРМЯНСКИХ ГОВОРАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

В данной статье рассматриваются некоторые особенности употребления падежных форм. В настоящее время в бесермянских говорах удмуртского языка выделяем 21 падеж. В парадигме склонения морфологические показатели, описываемые в монографии Т. И. Тешляпиной «Язык бесермян» (1970), не всегда совпадают с нашими данными.

Ключевые слова: удмуртский язык, бесермянский диалект, существительное, категория падежа, склонение, суффиксы, диалектные особенности.

Бесермянские говоры распространены на северо-западе Удмуртской Республики, на территории Юкаменского (лекминский говор) и Базезинского (юндинский говор) районов.

В данной статье рассматриваются некоторые особенности употребления падежных форм. Следует заметить, что морфологические показатели, описываемые в монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» [1970], не всегда совпадают с нашими лингвистическими материалами.

Как известно, в удмуртском литературном языке и в большинстве диалектов 15 падежей. Как и в отдельных северных диалектах, в описываемых говорах бесермян различается 21 падеж. Количество падежей увеличилось за счет возникновения серии приблизительностных падежей с элементом *-n'* (*-n'ân*, *-n'âs'*, *-n'âs'en*, *-n'e*, *-n'â'i*, *-n'oz'*). Данные суффиксы указывают на нахождение или действие по отношению к конкретному месту, к конкретному лицу. При этом С. А. Максимов [1999: 194] предлагает рассматривать исследуемую серию падежей как жилищно-местные падежи, так как “они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего)-либо, движение по направлению к кому-(чему)либо и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо и т. д.”.

Таким образом, вторичные пространственные падежи характерны для одушевленных существительных, обозначающих человека и отдельных местоимений, указывающих на лица: *abin'e* ‘к бабушке’, *soosn'âs'* ‘от них’, *mâd-mâdmân'e* ‘друг к другу’. Данные падежные формы можно встретить и в фольклорных произведениях финского ученого Ю. Вихманна, который впервые обратил внимание на бесермянский диалект и выделил его в качестве самостоятельной структурно-территориальной единицы удмуртского языка [Wichmann 1893; 1901; 1901a]: *so tîrîs'en ta purted ule mon'n'am*. ‘С той поры этот нож находится у меня’ [WSp. II. 1901: 166]. Но в монографии Т. И. Тепляшиной [1970: 169] выделено всего 16 падежей, автор отмечает, что “в бесермянском диалекте имеется еще один внешне-местный падеж – приблизительный с элементом *-n'* вместо удмуртской послеложной конструкции, например: *ad'amin'e* вм. удм. лит. *адями дйне*, *адями доры* ‘к человеку’, *braten'e* вм. *братэ дйне* ‘к брату’ <...>”.

“Вторичные падежные суффиксы – это относительно поздние образования, возникшие, например, в результате соединения суффиксов или послелогов” [Основы 1976: 145]. Относительно происхождения падежных форм с элементом *-n'* следует придерживаться точки зрения исследователей, связывающих послелогом с основой *din'* – ‘у, около, при, возле’ (< *din'* ‘основание, комель; близость, околица’) [Wichmann 1954: 50; Вахрушев 1959: 236; Тепляшина 1981: 287; Кельмаков 1998: 118] и др.

В экспедиционных материалах, выполненных по программе-вопроснику В. К. Кельмакова [1986; 2002] в исследуемых говорах вышеуказанные падежные формы зафиксированы: *ešen'ân* ‘у моего друга’, *ešen'e* ‘к моему

другу', *ešen'ās'* 'от моего друга', *ešen'oz'* 'до моего друга'. Судя по собранным языковым материалам, из приблизительноместных падежей чаще всего встречаются формы в иллативе, несколько реже – в инессиве, элативе, эгрессиве, изредка – в терминативе: (Юнд.) *korkas' korka čžžā-vžžjedn'e pāris' kod n'i*. 'По домам к родственникам заходишь уже'; (Жув.) *mašaosn'ān mon puki*. 'Я (в доме) Маши сидела'; (Шам.) *ešen'ās' mon ber koški n'i*. 'От подружки я поздно уже ушла'; *soosn'ās' nāl'los poti-zā*. 'От них девушки вышли'; (Жув.) *tame abien'oz' gine vel'tiz*. 'Мама до (моей) бабушки только ходила' и др.

Параллельно с падежными формами с элементом *-n'* в исследуемых говорах можно встретить и послеложные конструкции: (Юнд.) *angel'ina petro-vna dorā pāradā-a?* 'К Ангелине Петровне заходили ли?'; (Паж.) *sāre juldāše dorā no ve-l'te*. 'Потом и к моему другу сходите'.

Можно предположить, что в бесермянских говорах появление приблизительноместных падежей является влиянием среднечепецких [Карпова 1997: 85–90; 1998: 124; 2005: 61; 2013: 40], нижнечепецких диалектов [Тепляшина 1970а: 167; 1981: 285–286] северного наречия. Рассмотрим парадигму простого склонения одушевленного существительного *abi* 'бабушка':

	Ед. число	Мн. число
Ном. <i>кин?</i> 'кто?'	<i>abi</i>	<i>abijos</i>
Акк. <i>кинэ?</i> 'кого?'	<i>abijez</i>	<i>abijostā</i>
Ген. <i>кинлэн?</i> 'чей? у кого?'	<i>abilen</i>	<i>abijoslen</i>
Абл. <i>кинлэсь?</i> 'кого? у (от) кого?'	<i>abiles' ~ abilās'</i>	<i>abijosles' ~ abijoslās'</i>
Дат. <i>кинлы?</i> 'кому?'	<i>abilā</i>	<i>abijoslā</i>
Абес. <i>китэк?</i> 'без кого?'	<i>abitek</i>	<i>abijostek</i>
Инстр. <i>кинэн?</i> 'кем? с кем?'	<i>abijen</i>	<i>abijosān</i>
Адв. <i>кинъя?</i> 'по кому?'	<i>abija</i>	<i>abijosja</i>
Инесс. <i>кытын?</i> 'где?'	—	—
Иллат. <i>кытчы?</i> 'куда?'	—	—
Элат. <i>кытысь?</i> 'откуда?'	—	—
Эгр. <i>кытысен?</i> 'откуда? с (от) чего? с какого места, времени?'	—	—
Прол. <i>кытй?</i> 'где? по какому месту?'	—	—
Терм. <i>кытчыозь?</i> 'куда? до чего?'	—	—
Ашпр. <i>кудлань?</i> 'куда? в каком направлении?'	—	—
Пр. инесс. <i>кытын?</i> 'где?'	<i>abin'ān</i>	<i>abijosn'ān</i>
Пр. иллат. <i>кытчы?</i> 'куда?'	<i>abin'e</i>	<i>abijosn'e</i>
Пр. элат. <i>кытысь?</i> 'откуда?'	<i>abin'ās' ~ abin'is'</i>	<i>abijosn'ās' ~ abijosn'is'</i>
Пр. эгр. <i>кытысен?</i> 'откуда? с (от) чего? с какого места, времени?'	<i>abin'ās'en ~ abin'is'en</i>	<i>abijosn'ās'en ~ abijosn'is'en</i>
Пр. прол. <i>кытй?</i> 'где? по какому месту?'	<i>abin'e'l' ~ abin'it'i</i>	<i>abijosn'e'l' ~ abijosn'it'i</i>
Пр. терм. <i>кытчыозь?</i> 'куда? до чего?'	<i>abin'oz'</i>	<i>abijosn'oz'</i>

В парадигме склонения проявляются особенности в оформлении некоторых падежных форм. Обратим внимание лишь на некоторые из них:

1. В абсолютном большинстве удмуртских диалектов аблатив имеет суффикс *-les'*. В материалах Ю. Вихманна по бесермянскому наречию зафиксирована та же морфема, например: <...> *mon gurtîs'josles' ulemzes no-mîreno ug to-z'îkî*. 'Я ничего не знаю о жизни своей семьи'; *so ad'ami vîlem kîzles' îžît gîne lapeg*. 'Тот человек был чуть ниже ели' [WSpb. II. 1901: 165]. Т. И. Тепляшина [1970: 170–171, 251] в языке бесермян выделяет только формант *-lis'*: (Еж.) *šonlis' so nomre no ez ažžø*. 'Из-за дыма он ничего не видел'; (Шам.) *bes'kelo eges lue kozlis', koz'pulis', l'empulis'*. 'Обручи для бочки делают из ели, берёзы и черёмухи' и др. Автор не объясняет причины появления морфемы аблатива на *-i-*. Профессор И. В. Тараканов поясняет следующим образом: "Перед *s'* замене подвергается также переднеязычный негубной гласный *e*, переходя в *i*. Чаще всего такой звукопереход наблюдается в аффиксе разделительного (ablativus) падежа и реже – в корнях" [1960: 133]. В данном случае *-i-* в морфеме *-lis'* является историческим репрезентантом *i*, т. к. "<...> менее распространенный вариант рассматриваемого суффикса *-lîs'* имеет прямые параллели и в коми языках: кз. *-лысь* и кп. *-лîсь*<...>, на основании которых можно было бы реконструировать его прапермскую праформу в виде **-lîs'(t)* <...>" [Кельмаков 1998: 121]. В ворцинском говоре показателем аблатива является *-lâs'*: *bes'erman'n'os ual'l'an bigerlâs' potâlâmân kat' šuâli-zâ uk*. 'Раньше рассказывали, будто бы бесермяне произошли от татар' [Федотов 1982: 117].

В настоящее время формант *-lis'* в исследуемых говорах нами не зафиксирован. В речи юндинских бесермян чаще всего употребляется суффикс *-les'*: *keŋ'a ke kolxozles' skaljosses s'udi*. 'Сколько-то кормила колхозных коров'. В лекминском говоре отмечена дистрибуция алломорфа *-les'* и *-lâs'*. Следует отметить, что и в лингвистических материалах работы «Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка» [Кузнецова, Сердобольская и др. 2013: 529] находим показатель аблатива *-les'* и *-lâs'*. Бесермянские лексемы записаны в д. Шамардан Юкаменского района (лекминский говор).

По всей вероятности, в 60–70-е годы XX века формат аблатива с гласным *-i-* был характерен для бесермянского наречия. Постепенная утрата суффикса *-lis'* объясняется, на наш взгляд, влиянием соседних северноудмуртских диалектов.

2. Элатив образуется с помощью показателя *-(j)âs' ~ -is'*. Языковые материалы, собранные в исследуемых бесермянских селениях, показывают, что одни информанты употребляют в речи *-(j)âs'*, а другие на той же самой территории, в одних и тех же словах – формант *-is'*: *ludâs' ~ ludis'* 'с (из) поля', *rekajâs' ~ rekajis'* 'из речки' и др. Примеры-предложения: (Юнд.) *jundaâs' no-kâččâ no ej ko-škâlâ*. 'Из (деревни) Юнды я никуда не уезжал'; *kal'ista ta*

d'erevn'ais' ik, bes'erman. 'Калиста из этой же деревни, бесермянка'; (Жув.) *školaish' poti, sokâ vojna kućkemân ej val na*. 'Бросила школу, тогда еще война не началась'; *tri go-da a-rmijân služit' kari, sere armijâs' lâkti gurte, pretse-da-tel' kolko-za lui*. 'Три года служил в армии, потом из армии вернулся домой, стал председателем колхоза'.

В монографии Т. И. Тепляшиной суффикс *-is'* не упоминается. Формант элатива *-âs' ~ -is'* употребляется в северном наречии, срединных говорах, а вариант *-is'* сближает исследуемые бесермянские говоры с южным наречием.

3. Показателем эгрессива, как отмечает Т. И. Тепляшина, является морфема *-ø's'en*. По нашим наблюдениям, в языке бесермян встречаются параллельно форманты *-(j)âs'en* и *-is'en*. Употребление *-is'en* в бесермянском наречии отмечает и профессор В. К. Кельмаков [1998: 296]: *azbaris'enâ-mâ* 'с нашего двора'. Рассмотрим примеры: (Юнд.) *pinalâs'en mugorâ zek val no, mon gârâli, a ešjosâ usâal'l'a-zâ*. 'С детства росла крупной девочкой, и я пахала, а подружки боронили'; (Паж.) *ta d'erevn'ais'en kâd'okân ik ben počinkaoz'*. 'От этой деревни до (деревни) Починки далеко ватъ вѣдь'. В других диалектах удмуртского языка употребляются следующие варианты данного падежного форманта: сев. *-is'en ~ -âs'en*, сред. *-is'en // южн. -is'en*.

4. Пролатив имен существительных в описываемых говорах характеризуется исключительным многообразием фонетического оформления показателя *-(j)et'i ~ -ât'i ~ -t'i*, например: *ludet'i ~ ludât'i ~ lut't'i* 'по полю', *azbare't'i ~ azbarât'i ~ azbart'i* 'по двору', *gopet'i ~ gopât'i* 'по ложбине'; (Шам.) *tin' jež gurte mânon s'urest'i val so*. 'Вот по дороге в деревню Ежево это было'; *s'iz'âl kuaz'en ul'čâat'i gol'âk pâd vel't'i, mon jun ran'žâsa uli*. 'Осенью босиком по улице ходила, я очень трудно жила'; (Паж.) *inmart'i love samol'ot*. 'По небу (буков. бугу) летит самолет'. Данные варианты суффиксов зафиксированы и в ареале распространения северного наречия [Карпова 1997: 89, 91; Тепляшина 1970а: 163].

Вышеуказанные примеры в исследуемых говорах бесермян показывают, что языковые факты, описываемые в монографии Т. И. Тепляшиной, не всегда совпадают с нашими данными или/и в настоящее время уже не обнаружены.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Условные сокращения языков, диалектов и говоров: *бес.* – бесермянское наречие удмуртского языка; *км.* – коми-пермяцкий язык; *кз.* – коми-зырянский язык; *сев.* – северное наречие удмуртского языка; *сред.* – срединные говоры удмуртского языка; *удм. лит.* – удмуртский литературный язык; *южн.* – южное наречие удмуртского языка.

Сокращенные названия населенных пунктов Удмуртской Республики: *Еж.* – с. Ежево Юкаменского района; *Жув.* – д. Жувам Юкаменского района; *Паж.* – д. Нижняя Пажма Юкаменского района; *Шам.* – д. Шамардан Юкаменского района; *Юнд.* – с. Юнда Балезинского района.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вахрушев В. М.* Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Вып. 19. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – С. 228–241.
- Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997. – 223 с.
- Карпова Л. Л.* Бесермяно-удмуртское взаимовлияние (на материале среднечепецкого региона) // *Linguistica Uralica*. – 1998. – № 2 (XXXIV). – С. 121–127.
- Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2005. – 581 с.
- Карпова Л. Л.* Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2013. – 600 с.
- Кельмаков В. К.* Удмурт диалектология: Юанъёс но ужъёс I (= Удмуртская диалектология: Вопросы и упражнения). – Устинов, 1986. – 42 б.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.
- Кельмаков В. К.* Удмурт диалектология: Студентъёслы но аспирантъёслы юрттос / Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. – 5-тйез, тупагыса, выльдыса но ватсаса поттэмез. – Ижкар: «Удм. ун-т» книга поттон корка, 2002. – 175 б.
- Максимов С. А.* О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: межвуз. сб. научных трудов. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. – С. 193–208.
- Основы 1976* – Основы финно-угорского языкознания (Марийский, пермские угорские языки) / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1976. – 463 с.
- Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / ред.- сост.: А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. – М.: Тезаурус, 2013. – 540 с.
- Тараканов И. В.* Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта) // Труды / Ин-т языка и лит. АН ЭССР. – Таллин: Эст. гос. изд-во, 1960. – С. 117–153.
- Тепляшина Т. И.* Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970. – 288 с.
- Тепляшина Т. И.* Нижне-чепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1970а. – Вып. 21. – С. 156–196.
- Тепляшина Т. И.* О новых удмуртских падежах // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugritarum*. – Pars VI. Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. – Turku, 1981. – С. 285–292.
- Федотов М. И.* Ворцинский говор бесермянского наречия // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1982. – С. 116–130.
- WSp – Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märshen, Sagen und Erzählungen. – Helsingfors, 1901. – IV + 200 S.
- Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Clossar. – Helsingfors, 1901a. – V + 134 S.
- Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Clossar. Anhang: Grammatikalischer abriß von D. R. Fuchs. – Helsinki, 1954. – X + 167 S.

N. M. Lyukina

The Category of Case in the Besermyan Dialects of the Udmurt Language

The article examines some peculiarities of using case forms. At present there are 21 cases in the Besermyan dialect. In the paradigm of declension morphologic structures described by T. I. Teplyashina in «The Language of the Bessermians» (1970), do not always coincide with author's findings.

Keywords: the Udmurt language, the Besermyan dialect, noun, case, declension, suffixes, dialectal peculiarities.